

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

Константин
СИМОНОВ

Работа, о которой мне задан вопрос, — дело от начала и до конца коллективное. Не только потому, что серию телевизионных фильмов «Солдатские мемуары» делает вместе со мной целый коллектив работников документального кино, но и потому, что самые главные участники этой работы — сами солдаты — полные кавалеры ордена Славы, которых мы расспрашиваем перед киноаппаратом о их боевом и трудовом пути. Не было их готовности рассказать о всем том великом и трудном, что они совершили, — не было бы и этих фильмов.

Сейчас, после трех уже показанных по телевидению фильмов, где главными действующими лицами были артиллеристы, армейские разведчики и связисты, продолжается работа еще над тремя фильмами о пехотинцах, саперах и танкистах.

Я не буду больше говорить об этих, еще не законченных, фильмах. Но о тех, все новых и новых людях, с которыми меня сводит эта работа, сказать хочу.

Встречи с ними я, как писатель, считаю для себя большим счастьем и жалую, что эти встречи не начались хотя бы на десяток лет раньше: можно было бы успеть сделать больше.

Я не только испытываю к этим людям глубокое уважение и за то, что они совершили, за то, с каким достоинством и скромностью они об этом рассказывают, — вдобавок к этому, слушая их, я как бы заново, глубже, чем когда-нибудь раньше, понимаю — и почему мы выстояли и победили в такой невыразимо трудной войне, и почему мы после войны в короткие исторические сроки сумели поднять из руин и пепла свою страну, и почему мы с такой стойкостью выдерживаем на протяжении тридцати послевоенных лет все натиски сил, враждебных нашей стране и нашему строю.

Это потому, что люди эти — коммунисты и беспартийные, бывшие солдаты Великой Отечественной войны — сама прочность, сама стойкость, сама решимость безотказно выполнить свой долг — и в военное и в мирное время, и тогда и сегодня.

Мы делаем фильм о войне, и самое большое место в наших разговорах занимает война. Но душевная красота и сила характера бывших солдат с не меньшей очевидностью проявляются и в том, как они прожили послевоенное тридцатилетие.

Прошлое человека нередко с особенной остротой раскрывается через его настоящее.

Так это вышло у нас и с Иваном Романовичем Архипкиным, на войне механиком-водителем «тридцатьчетверки», а сейчас — московским строителем, работающим на новейшем дизель-электрическом кране.

Спрашиваю его, когда он демобилизовался?

«В сорок седьмом. С тех пор работаю. И слесарем, и плотником был, и раствор делал. Раньше двухэтажные домики клали по окраинам Москвы, — туда кирпич подаешь, сюда — раствор, где чего горит! А потом появились экскаваторы, посмотрел, как он копает, говорю — нет, все же я буду экскаваторщиком. Кончил курсы и стал работать на них. Работал на многих марках — и на иностранных, и на отечественных; у нас самая замечательная машина — это Ковровского завода! И Калининского завода тоже хорошие машины, очень маневренные...»

Слушаю, как говорит Архипкин о попавшей ему в руки мирной строительной технике — экскаваторах, и вспоминаю, как другой бывший танкист, тоже механик-водитель, а сейчас тракторист, украинец Константин Степанович Венгер с той же великой любовью к технике вспоминал о своей «тридцатьчетверке».

«Эта машина была сильной, не машина была, а была золото! Она была такая, что на ней можно было куда хочешь, где не пройдет человек — там

пройдет тридцатьчетверка. Моторы хорошие были, дизельные, маневренность у ней была такая, что — куда повернул, туда и пошла: и быстро, и вертко, даже хорошая машина...»

Служил Венгер в танковой разведке и в Прагу вошел на девятой по счету «тридцатьчетверке». Две сгорели в боях, а с шести остальных, подбитых и отправленных на ремонт, он пересаживался на другие и снова шел в бой.

«С Праги мы вернулись в Будапешт, и вышел приказ уволить дальневосточников и кто имеет три ранения; а я мал шесть — три тяжелых и три легких. Демобилизовался, до дому уехал и обратно работаю трактористом. Побыл месяца два председателем сельпо — не выходит, мучить только самого себя! С перерывом на армию на тракторе стажу с тридцать седьмого года и по сей день. И зараз — роблю трактористом на механизированной лопате».

Так коротко отвечает Венгер на мой вопрос: что он делал после войны.

А в разговоре с Архипкиным выясняется — на каких только московских стройках он за послевоенные годы не работал!

«В Измайлове бывший аэродром вдоль и поперек перекопал, в Филях копал, на Красной Пресне копал, даже в Кремле приходилось копать. В Хлебникове овощные базы строили мощные — два корпуса огромные, у Варшавского метро тоже базы — два корпуса мощных для овощей и фруктов. Едешь по Москве — куда ни посмотри — ага, вот здесь я работал, здесь я строил, здесь котлован копал, здесь ремонтировал».

Спрашиваю: почему он с экскаватора перешел на кран? «До шестидесяти первого работал на экскаваторе, но потом стало тяжело для меня, все-таки четыре раза ранен, на экскаваторе тяжелее работать, особенно долбежка зимой, — но на кране больше ответственности, потому что работа с людьми все время. Как ни говорите, когда работаешь, хотя технику безопасности и соблюдаешь, а все равно — сигналишь, а там человек, может груз высыпаться, там кирпич или что, или петля оторвется, — больше ответственно и больше внимания требуется. Сейчас я на кране как наставник. Приходят ко мне стажироваться, надо объяснить, рассказать все, что сам знаю. Практически объяснить. А если что-то теоретически я сам уже забыл, я не постыжусь, у него спрошу, потому что у него свежая память. Вот так. И ругать никогда нельзя человека. Некоторые, когда приходит к нему молодой человек, начинают с гонором: я, дескать, машинист старый, а ты молодой, ты не понимаешь. А ведь с первого объяснения человек может и не понять, ему надо дать время привыкнуть, дать шприц — вот, смажь здесь и там, и объясни мне: что ты делаешь, где смазываешь, для чего? А если поручу тебе отрегулировать, расскажи, как ты думаешь регулировать? Надо у человека зажечь интерес, чтобы он понял все до конца, чтобы до него дошло...»

Слушаю и мысленно отмечаю: про свое, про свои четыре ранения — в одной фразе, мимоходом, а про других, про необходимость внимания и правильного подхода к людям — куда подробнее. Наверное, самое главное в личности человека проявляется не в его отношении к самому себе, а в его отношении к другим людям. Так и у Архипкина.

Слушая, как такой человек говорит о тех, с кем он сегодня работает, лучше понимаешь, каким он был на войне, как он вытаскивал из горящего танка раненых товарищей; как тащил — одного на закорках, привязав к себе ремнем, целых три километра, а другого немногим меньше — под огнем по-пластунски, каждые полшага подтягивая за собой по земле. И понимаешь, что еще тогда принципы товари-

щества и взаимовыручки выработались в нем не только для войны, а и для мира, одни и те же — на всю жизнь.

«Мы в одной машине находимся, мы одинаково принимаем бой, все одинаково у нас. И смерть одинаково принимаем. И каждый друг на друга надеется, в случае раня тебя — вытащит, перевяжет, помощь окажет. Когда экипаж дружный, то и не так страшно. Только злость появляется какая-то, потому что — видишь сожженные дома, трубы, думаешь — что они делали? Ведь мы строили мирную жизнь, только начали развиваться — и вот эта война! Когда в бой идешь — никто не скажет, что не страшно, но потом, когда бой разгорается, тут в напряжении как-то зубы стиснешь и уверенней чувствуешь себя. А после боя — были у меня такие хорошие товарищи, как Сережа Ланцов, — бой оканчивается, вроде облегченно вздохнешь, люки открываешь — он сразу вылетает, кричит: О, Вань, ты жив, и я жив, ну все, теперь мы уже до Берлина дойдем! Если из такого пекла выскочили живыми, то теперь — все, до Берлина! — Сразу гармошка появляется, и давай в пляску, и начинается — экипаж на экипаж, взвод на взвод — кто кого перепляшет. Некоторые не верят сейчас, — в кино картину смотрят, говорят: это все чепуха. — Но не знаю, как у кого, а у нас было так!»

Просто и человечно, без азарта и преувеличений рассказывают о войне люди, на время оторванные ею от своих мирных профессий. Рассказывают о войне как о необходимом деле, для которого им пришлось оторваться, чтобы доделать его до конца, до победы. Лучше б, конечно, если б и отрываться не приходилось. Но ничего не поделаешь, пришлось! И нравственная сила их в том, что, несмотря на все испытания и подвиги, записанные в наградных листах, несмотря на все раны и все награды, вернувшись с войны, они и не просили и не желали для себя поблажек за пережитое и перетерленное.

Приехав домой, видели, какие сквозные просеки прорубила в их поколении война; и слишком хорошо понимали, что без них, вернувшихся с войны, страну не поднять и не двинуть вперед.

От этого понимания своей необходимости — так просто и вспоминают о том, как, едва придя с войны, сразу же засучивали рукава для новой работы.

Михаил Федорович Литягин, казак из Усть-Лабинской станицы, воевал «на тридцатьчетверке» в Уральском добровольческом танковом корпусе. Говорит об этом корпусе с гордостью:

«Сформирован на средства рабочих и крестьян, за их собственные сбережения. Короче говоря, от пуговицы до танков приобретено на народные средства».

Спрашиваю, когда демобилизовался и что было после этого. Отвечает коротко:

«Демобилизовался в декабре 45-го по приказу о трех ранениях. Когда демобилизовался, пошел опять на завод, откуда уходил в армию, у себя в Усть-Лабинской. Работал машинистом, потом на железной дороге грузчиком, потом в Донбассе шахтером, шестнадцать лет под землей, начинал забойщиком, последнее время — проходчиком».

Михаил Федорович Литягин — человек прочный, косая сажен в плечах, вся грудь в наградах — и боевых, и шахтерских. Кроме трех орденов солдатской Славы, еще несколько боевых орденов и медалей: орден Октябрьской Революции за восьмью пятаiletку, медаль «Ветерана труда», знак «Шахтерской славы» всех трех степеней. Полусерьезно-полухулиган говорю ему: «Да, Михаил Федорович, хорошо, что грудь широкая, а то бы не поместилось все это». В ответ улыбается, отвечает:

(Окончание на 6-й стр.)

«Правда», 1976, 22 авг., № 235

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

(Окончание.)

Начало на 3-й стр.)

«А шахтеры всегда смеялись надо мной в бане. Говорят: за то, что я тебе спину помою, ты мне должен два раза спину помыть, больно у тебя спина широкая. Когда выезжаешь из шахты, сами знаете, весь в угле, пыль угольная покрывает, человек потный, грязный, отмыться хочешь». Посмеявшись, он закуривает трубочку. Спрашиваю, давно ли смолит ее.

«Немножко баловался на войне, и вот сейчас, когда ушел на пенсию, опять начал баловаться трубой. Шахтерам курить-то, если в шахту спустился, значит — все! Всю упряжку, как у нас называется, не курят. А уж как выскочил на-гора, так каждый — еще немый, а уже старается у кого-нибудь подстрелить закурить!».

«А в танке курили? — Кто курил — тот курил. Махорку. Война войной, а человек человеком».

У Егора Федоровича Полтева, тоже танкиста, командиром танка закончившего войну в Праге, я спросил, кем он был до войны.

«Слесарем».

— А когда вернулись?

«Тогда слесарем. И сейчас слесарем работаю. Сейчас у меня инвалидность, третья группа, но работаю».

Наверное, эти слова заставили меня расспросить его не о наградах, которых у него, как и у Литягина, полная грудь, а о полученных на войне ранах.

— Из ваших воинских документов видно, что у вас за войну — ни мало ни много — шесть ранений и контузия. Где и когда все это было? Если начать сначала?

«Первое мое ранение было под городом Юхновом, Завьяга гора такая есть. Зимой сорок первого. В ногу меня и в бедро ранило. С повреждением кости. Взорвалась мина возле орудия».

— А второе?

«Второе на Калининском фронте, когда освобождали город Торопец. То же самое, осколочное, тяжелое — в спину, в бедро и в руку».

— Третье?

«Третье в бою за родной мой город, за Болхов. Танк мой сгорел, а меня тяжело ранило осколками, контузило и обожгло. Когда выскочил, пехота меня тушила. Четвертое — на реке Одер, погиб командир машины, а меня легко ранило. Я машину принял и продолжал бой. Из части не уходил».

— А пятое?

«Пятое ранение у меня было в городе Потсдаме, когда брали его. Здесь тоже был легко ранен, из части не уходил».

— А самое последнее?

«А шестое было под городом Прагой, когда уничтожали последнюю группировку немецкую. Легкое».

Как выяснилось из дальнейшего рассказа, Егор Федорович Полтев, хотя и был ранен, все-таки прошел через Прагу на своей машине.

И стоило ему это большого волнения, причем не за себя, а за встречающих наших танкистов жителей.

«Машина моя была вся избитая, крылья изорваны, имела двадцать четыре пробоины. И вот когда мы проходили по улицам Праги, то население вышло приветствовать с цветами, и все старались как-то отблагодарить. Я как командир машины стоял все время вот до сих пор открытый, и у водителя люк тоже был открытый, и каждая девушка, парень старались чем-то отблагодарить, вскочить на машину, отдать цветы, а я очень боялся, потому что машина была, как говорится, вся избитая, и крылья изорваны осколками, и я боялся за то, что вдруг кого-то зацепишь и — под гусеницы. Я очень переживал за этот свой проход через Прагу, чтоб он прошел у меня благополучно».

За те тридцать лет, что снова работает Егор Федорович Полтев на своем родном заводе слесарем, уже отслужили танкистами, на действительной, вернулись и работают — кто шофером, кто токарем — трое сыновей, появились внуки, сколько лет минуло! И все-таки с какой-то удивительной памятью души вспоминает старый танкист, как боялся он в тот праздничный день в Праге за юношей и девушек, теснившихся вокруг его изрубленного в боях танка! Принято говорить, что люди черствеют на войне! Кто-то, наверное, да, а кто-то и нет! Способность черстветь отнюдь еще не обличает в человеке сильной природы, скорей — наоборот: люди подлинно сильные успешней сопротивляются соблазну зачерстветь среди испытаний жизнью и смертью.

Наверное, поэтому и не выходит у меня из головы рассказ — тоже, как все, о ком я вспоминаю, — полного кавалера ордена Славы и тоже танкиста, Василия Ивановича Шарова. Рассказ о том, как после нескольких ранений и тяжелой контузии он уже близко к концу войны приехал в отпуск к матери.

«Контузия была серьезная, заикался первое время и ничего не слышал. Уехал к маме. Мама лежала, болела. Когда стал с ней разговаривать — что она мне говорит, не пойму! Вроде так по губам понимаю, а слышу плохо. Старался не показывать ей, что заикаюсь. Сначала про себя повторяю, а потом начинаю говорить, не спеша — потому что когда спешешь — не получается. Но она все равно заметила, спрашивает: Почему ты так медленно говоришь? — Стал объяснять ей, что ты медленно спрашиваешь, а я медленно тебе отвечаю. Но мать не обманешь, она только посмотрела и ничего не сказала. Так у меня и остался плохой слух после этой контузии, а чтоб не заикался, врачи прописали больше пять песен, когда поешь, то не заикаешься. Иногда идешь, видишь — никого нет, и запоешь. Или дома сидишь — поешь. Так постепенно меньше стал заикаться».

Добавлю от себя, что после этого отпуска Шаров, хотя и плохо слышал, но вернулся обратно на войну, в свою часть, и довоевал войну, и после демобилизации, всего четыре дня отдохнув дома, пришел в райком партии и согласился пойти работать бригадиром тракторной бригады. Потом освоил целину, получил за нее орден. Последние годы работал механиком на птицефабрике, на агрегате витаминной муки. А сейчас, когда врачи запретили ему работу, связанную с шумом, перешел в слесари-наладчики. Все в жизни этого скромного человека, которого из-за шуплой фигуры и маленького роста

во время войны долго не хотели брать танкистом на боевую машину, заслуживает и уважения, и упоминания. Но мне почему-то врезался в память именно тот его разговор с матерью в отпуск между боями — запомнился и заботливостью, и большой душевной силой.

Я рассказал лишь о малой части людей, с которыми мне посчастливилось говорить за эти годы, только о танкистах, над фильмом о которых мы сейчас работаем, да и о танкистах тоже не обо всех. Но, может быть, мне все-таки удалось дать представление хотя бы о некоторых черточках коллективного портрета этих людей, который постепенно складывается за эти годы и на кинолентке, и на бумаге, и в моем собственном сознании, — людей, про которых хочется сказать, что на таких, как они, земля держится.

Провожая недавно в последний путь своего младшего по годам товарища — поэта Михаила Луконина, я вспомнил его написанные в сорок пятом году строчки:

Нам не отдыха надо
и не тишины,
Не ласкайте нас званьем
«Участник войны!»
Нам —

трудом обновлять
ордена и почет!
Жажда трудной работы
нам ладони сечет...

И мне подумалось, что эти строчки сказаны тридцать лет назад именно о таких людях.

Делая сейчас вместе с ними телевизионные фильмы «Солдатские мемуары», мы, чем дальше идет работа, тем больше любим и тем глубже уважаем этих людей. И нам хочется не только завершить свои фильмы, но и заразить других потребностью продолжить эту работу, для которой наша жизнь дает поистине необъятное количество материала.

А если говорить об искусстве, то, сознавая всю скромность вклада, который мы делаем в него своими фильмами, я в то же время думаю, что подобного рода документальные работы о войне могут послужить одним из исходных материалов для художников — и кино, и театра, которые впредь будут заниматься темами Великой Отечественной войны. Пройдет еще десять — двадцать лет, и ставить картины, и писать пьесы, и играть в них будут только люди, чей собственный жизненный опыт уже не связан и, как я надеюсь, никогда не будет связан с войной. И я убежден, что запечатленные на экране подлинные, изустные свидетельства солдат помогут творцам будущего искусства выразить и подлинный дух той эпохи, и подлинную душу людей, отстоявших от фашизма страну Октябрьской революции в самый трудный для нее час истории.